

Эва Гринерс

Трактор

"Бойкая щучка"

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В ТРАКТИР

18+

Эва Гринерс
Трактир "Бойкая щучка"

«Автор»

2026

Гринерс Э.

Трактир "Бойкая щучка" / Э. Гринерс — «Автор», 2026

Оля Петровна Бобик считала себя незаметным, невзрачным существом, а свою жизнь бесцветной и пустой. Она надеялась, что когда-нибудь потом жизнь изменится и наполнится смыслом и красками. В один непрекрасный день, Оля понимает, что жить можно было и по-другому, стоило только захотеть, но поздно. Видимо, захотела очень сильно. Потому что вместо того, чтобы погибнуть в огне, она обнаруживает себя в теле знойной Габриэлы Ловейры. Понимая, что это её второй шанс, Оля принимает другую себя, а также свою новую судьбу с кучей проблем в придачу. Только теперь она ценит каждый свой день, что бы ни случилось.

© Гринерс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эва Гринерс

Трактир "Бойкая щучка"

Глава 1

Прозвенел хриплый звонок, сообщающий, что рабочая смена окончена. Я выключила линию и сняла тяжелый резиновый фартук. Мимо меня проходили коллеги, такие же сотрудницы нашего предприятия-производителя рыбной продукции "Поморская рыбка". Посторонившись, я специально пропускала других, ожидая, когда поток людей иссякнет. Не хотелось толкаться в душе и раздевалке. Около получаса слушала доносящиеся до меня плеск воды, шум, разговоры и смех. Постепенно звуки стихли, даже свет кто-то погасил. Прислушавшись, убедилась, что все ушли, и только тогда пошла переодеваться.

Я работала здесь уже много лет: как пришла после техникума, так и осталась. Можно было бы подумать, что закатывать пресервы являлось моим призванием, но нет. Поступила я в рыбопромышленный, потому что выпускники нашей школы-интерната автоматически шли в этот техникум. Это была исторически сложившаяся традиция, почти никто особо не задумывался. Радовались новому этапу взросления и свободе.

Некоторые, конечно, старались сразу уехать из нашего серого промозглого города туда, где теплее и солнечней. Однако, мало о ком из них доносились потом добрые вести. Поэтому я, никогда не отличавшаяся храбростью и оптимизмом, осталась и пошла проторенным до меня путём.

Передо мной, как и перед другими, так же стоял ещё один сложный выбор: жильё. Отдельная однокомнатная квартира или комната в общежитии с доплатой.

Мне казалось тогда очень мудрым решением согласиться на комнату, положив доплату в банк на сберкнижку. Деньги мне нужны были, чтобы копить на мечту. А мечтой с самого детства являлся домик на берегу моря.

Здесь у нас тоже было море, но суровое и холодное. "Если купаться, то в купальнике с начесом" - думала я.

Там же, на берегу мечты, море было теплое и ласковое. А небо не свинцовое и низкое почти круглый год, а голубое и прозрачное.

Мечта стоила больших денег, но я упорно откладывала каждую свободную копейку, отказывая во всём. Да и на что было тратиться? Баловать себя не умела. Нарядиться не привыкла. Радостей никаких в личной жизни никогда не было - как и самой личной жизни. Вечерами после работы моими собеседниками и друзьями были книги. По выходным телевизор, а иногда, очень редко кино. Ну, чтобы было разнообразие.

Живые же люди замечали меня так редко, что казалось, если я не посторонюсь тихонько, уступая кому-нибудь дорогу, то все смогут спокойно пройти сквозь меня.

Впрочем нет, что ж я на людей-то наговариваю. Обо мне очень даже вспоминали, когда нужно было попросить о какой-нибудь услуге, потому что отказывать я не умела совершенно.

"Оля Петровна, возьми собачку/кошечку/хомячка - мы в Грецию улетаем"

"Оля Петровна, подежурь за меня, не в службу, а в дружбу, тебе всё равно делать нечего, а мы на шашлыки намылились"

Я соглашалась, утешая себя тем, что ну пусть хоть кто-то радуется сине-зеленому морю в Греции или ароматному шашлыку с дымком на свежем воздухе. Когда-нибудь придет момент, порадуюсь и я - новым ощущениям, ярким краскам и сбывшейся мечте.

"Надо было сразу после интерната тогда уезжать, - пожалела я в который раз, - чего боялась?" Ну или научиться быть счастливой здесь. Полюбить монохромность своего города, его сдержанность и умеренность. Тем более я по своему характеру и фактуре - серенькой и неприметной, почти сливалась с ним.

Это была интересная мысль, она приходила мне в голову не в первый раз. Но почему-то казалось, что уже поздно. И здесь время упущено, и ехать куда-то за мечтой, как говорится, “после лета по малину”, и характер менять, и жизнь заново начинать - всюду опоздала.

Я, не торопясь, приняла душ. Рабочую форму кинула в стирку. Благо, на предприятии была своя прачечная, иначе бы вся комната дома рыбой пропахла. Я терпеть не могла этот запах рыбы и её саму. Он ассоциировался у меня с кабалой.

Взяв на полочке в шкафчике фен, воткнула его в ближайшую розетку. Она немного заискрилась. Давно уже болталась на соплях, как и всё вокруг здесь. Здание было старым, только пара цехов с современным оборудованием были пристроены относительно недавно. А эти подсобные, к которым относились и раздевалки, им лет пятьдесят было, если не больше.

Закрыв глаза, я наслаждалась горячим потоком, который раздувал мои волосы и согревал застывшую в одном положении за день шею.

Выключив фен, еще какое-то время сидела в теплом облаке нагретого воздуха, не открывая глаз. Можно было не спешить - наша смена была последней на сегодня.

Когда открыла глаза, то не сразу поняла, что сижу в темноте. В какой-то момент отключилось электричество, а я этого не увидела, потому что сидела в блаженном оцепенении, как в полудрёме.

Чертыхнувшись, стала наощупь доставать свою чистую одежду из шкафчика. Темноты вроде не сильно боялась, но, однако, мне стало очень неудобно. Поэтому торопилась, из-за чего путалась в рукавах и тесёмках кофточек.

Внезапно потянуло дымом. Кое-как просунув голову в горловину, замерла, приюхиваясь. Гарью несло уже совершенно отчетливо. О, Господи, что ещё?..

Глупо заметавшись, поняла, что меня с головой накрывает паническая атака, а сердце стучит уже где-то в горле. Наверное, угарный газ уже заполнил все мои лёгкие, и я сейчас попросту перестану дышать.

Вскрикнув, метнулась туда, где должна была быть дверь, в горле першило все сильнее, воздух кончался...

Ошиблась и наткнулась на стену с рядом крючков для одежды. Развернувшись, опрокинула бельевой бак и сама упала через него, больно ударившись. Сейчас вот так вот глупо умру и ничего больше не увижу.

Внезапно я поняла, что жизнь-то была прекрасна сама по себе. Даже серенькая, словно неотбеленный холст. Просто бери и раскрашивай его, как художник.

В эту минуту я любила этот свой серенький холст, нетронутый красками. По нему я ходила, не оставляя следов, как по краешку жизни.

Только бы выжить, не задохнуться в этом угаре. Я научусь и видеть, и чувствовать, и любить! Честное слово, обещаю!

Нужно было встать и искать выход. И если выживу, никогда больше не буду сдаваться. Сейчас я готова была пообещать высшим силам всё, что угодно.

Попытавшись встать, я почувствовала, что лёгкие словно разрывает от малейшего вдоха. Постаралась не дышать и снова опустилась на пол. Вспомнила, что вроде бы нужно держаться как можно ниже. Валявшееся тряпье, которое вывалилось из бака для стирки, нещадно воняло рыбой. “Я и рыбу полюблю, дайте только выжить!” - мелькнула мысль. Но думать дальше я её не стала - заткнула нос и рот смердящей липкой тряпкой и поползла, царапая голый живот о неровный битый кафельный пол. Туда, где, мне казалось, есть спасение.

Нашулав дверь, я радостно вскрикнула, открыла глаза и опрометчиво бросила тряпку. В ту же секунду едкая гарь проникла в рот, в глаза, в нос. Ни единого шанса вдохнуть не оставалось. Из последних сил я рвала на себя дверную ручку, тело дёргалось уже в конвульсиях, погибая без кислорода.

И когда я, почти лишившись сознания, рухнула без сил, дверь отворилась наружу. А в легкие хлынул поток свежего воздуха, пропитанный озоном и солью.

В лицо плеснула вода, приводя меня в чувство. Я рефлекторно облизнула губы - они были едко-солёными. А следующая плюха в лицо заставила полностью прийти в себя.

Попыталась проморгаться и встать на ноги. Сзади всё еще несло гарью, пол подо мной шатался. Хотя... это был не пол, а палуба. Передо мной встала вдруг серая плотная волна. Если бы я могла закричать, закричала бы. Но издав сипение, только присела, сжавшись в комок.

Когда вода схлынула, я попыталась проморгаться: в глазах щипало нещадно, как будто их действительно солью присыпали.

Послышался чей-то крик. Вроде бы мужской голос. Кто-то шел мне на помощь.

- Я здееесь! - закричала отчаянно. Голос был севший, хрипловатый. Хоть бы услышали! Сзади всё еще тянуло гарью.

- Чара миа! - непонятно ругнулся кто-то над моей головой, и я почувствовала, как меня сильно дёрнули за руку. Непроизвольно открыв глаза, увидела перед собой измождённое лицо, покрытое глубокими резкими морщинами. Борода была наполовину седой и развевалась на ветру. Запавшие глаза смотрели на меня с болью и нежностью. От неожиданности у меня прочистилось в голове, и я огляделась.

Мы были на каком-то небольшом, довольно старом и ободранном судне, которое, как яичную скорлупку в мыльной воде по кругу, болтало в море. Вокруг вспенивались волны, а человек, который, по всей видимости, спас меня, что-то говорил взволнованно. И часто повторял "Чара, Чара, Чара".

Я попыталась вспомнить последние секунды перед тем, как откашлялась и открыла глаза, потому что, как мне показалось, у меня немного помутилось в голове и возникли галлюцинации.

Но никакой ошибки не было: выползала я из раздевалки нашего рыбзавода, где начался пожар, а оказалась на скрипучем баркасе, который мало того, что тоже горел, он ещё и тонул.

Потрясённая, я начала сползать по стенке, но старый моряк снова дернул меня за руку.

- Чара, девочка моя, я полезу в рубку и возьму курс к берегу. Штурвал заклинило, буду держать до последнего. А ты ни в коем случае не возвращайся туда ко мне. Обещай мне, Чара миа...

По лицу старика поползли слёзы. Они катились из глаз, бежали по бороздкам морщин, смешивались с морскими каплями и потом терялись где-то в седой бороде. Это было слишком душеспатательное зрелище даже для абсурда, и я тихонечко завывала.

Старик тряхнул меня посильнее. От несильного удара затылком, нестройная картинка в голове вдруг преобразилась, как в калейдоскопе.

"Я же обещала себе: если выживу - никогда больше не буду сдаваться! Откуда корабль, как меня сюда занесло и что всё это значит - буду разбираться потом."

- Ч-что мне делать? - спросила старого моряка, стуча зубами. Кажется, я промокла и промёрзла до костного мозга.

- Пробирайся на корму и держись там хорошенько. Будет трясти, не опускай рук. Давай, дитя моё. Только держись... - лицо старика скривилось, и он исчез в клубах дыма. Спустился туда, откуда только что вышла я.

- Куда вы? - прокричала вслед, не решаясь пошевелиться...

Ответом мне был лишь гул ветра. Значит, на корму... До неё еще нужно было добраться. Волны крутили судно, пол... вернее, палуба, уходила из-под ног.

Я опустила бок на четвереньки и крабом поползла, глотая морскую пену и отплевываясь.

Дальше почти ничего не видела. Просто зажмурилась и снова хотела только выжить.

“Пожалуйста, пожалуйста, пусть всё прекратится, пожаааа...” В этот момент судно страшно заскрежетало и тряхнуло так, что я, по-моему, откусила себе половину языка. Меня подбросило и изо всех сил швырнуло о палубу. А потом смыло в море набежавшей волной.

Я старалась грести вверх, но, видимо, было неглубоко, потому что меня ударило о дно. Закрутило, и вышвырнуло на берег лицом, царапая лоб и щеки об острые обломки раковин.

Потом, внезапно, всё успокоилось и стихло. Я попробовала шевельнуть губами, но рот оказался забит песком. Поднять голову тоже не удалось.

Приоткрыв глаза, я увидела мутные фигуры, которые приближались ко мне. Они бежали издалека и кричали что-то громко гортанными голосами.

А еще вроде бы кричали чайки: “Чара! Чара! Чара!”

Глава 2

- Габриэла! Габриэла-Роса, вы слышите меня?

Голос назойливо гнусавил у меня над ухом, заставляя пробуждаться раз за разом, когда меня тянуло провалиться в сон как можно глубже. Там было так хорошо, и ничего не болело.

А из-за какой-то Габриэлы (имя как у сериальной героини), мне не дают покоя. Я попыталась взмахнуть рукой, но это у меня не получилось. Наверное, затекла. Тогда я решила подать голос и попросить гнусавого искать свою Габриэлу потише. Однако, челюсть тоже не слушалась. Одновременно с этим открытием возникли неприятные и болезненные ощущения во всём теле.

Забеспокоившись о том, что же, собственно, происходит, я приоткрыла глаза и увидела над собой большой, я бы даже сказала, выдающийся нос. По бокам от него располагались маленькие добрые глазки с бровками-навесиками. Завершали образ оттопыренные уши, красноватые, как будто их подсвечивали фонариком сзади.

Человек был настолько комичен, что я, не удержавшись, хрюкнула от смеха и тут же об этом пожалела: нижняя часть лица словно треснула при этом, и боль распространилась по всей голове.

Я застонала. Что же это со мной? По лицу потекли невольные слёзы, а носатый человек - это ему принадлежал гнусавый голос, успокаивающе произнёс:

- Не надо плакать, Габи, не надо. Самое страшное позади, - тут его голос дрогнул. - А теперь нужно побережись. Слёзки ни к чему - нос опухнет, а этого никак нельзя. Мы его только что заново собрали. Говорить тоже не пытайся - челюсть сломана.

При этих словах я замычала в страхе, как бы спрашивая человека, какого черта происходит и каким образом из относительно здорового человека я превратилась в отбивную.

- Тише, тише, красавица, не волнуйся. Карла! - обратился он к кому-то.

- Я здесь, - в поле моего зрения возникла ослепительная красавица, почти точная копия Джинны Лоллобриджи. Она преданно посмотрела на носатого доктора, сочувственно улыбнулась мне и проделала какие-то манипуляции с моей рукой. Потом я почувствовала укол, и все мои болезненные ощущения стали медленно растворяться. Как приятно... Потянуло в сон. Последнее, что я услышала, было:

- Она еще не знает, доктор Перес?

- Тише, Карла. Нет, она пока не готова...

Проходили дни, а я так еще и не узнала, что со мной произошло. С трудом удалось вспомнить пожар на нашем предприятии. Может, на меня упала какая-то балка? Или вообще здание рухнуло...

Еще из области бреда вспоминалось старое скрипучее судно, морщинистый оборванный рыбац, страшный шторм и удар. Наверное, это мне привиделось. Что-то вроде галлюцинаций от дыма и угара.

Ко мне по-прежнему обращались Габриэла, из чего я сделала вывод, что вместе со мной пострадал еще кто-то, и нас попросту перепутали. Сообщить, что никакая я не Габриэла-Роса Ловейра, а Ольга Петровна Бобик, я не могла - загипсована была по самые уши и даже есть могла только через трубочку. Карла кормила меня то бульоном, то жидкой кашей, которая иногда стекала капельками и щекотала мне шею.

Хорошо хоть возможность смотреть осталась. А вдруг у меня обгорели ресницы и брови? Мне вдруг стало интересно и тревожно.

И когда в следующий раз красавица Карла появилась у моей постели, я принялась интенсивно мычать, чтобы донести до неё мою просьбу.

Карла и так, и эдак пыталась разгадать мой ребус, а я настойчиво смотрела на маленькое зеркальце, висящее вдалеке на стене. Наконец, она поняла.

Облегченно рассмеявшись, Карла сняла зеркало со стены и проговорила.

- Вот я бестолковая! Конечно, такая красивая молодая девушка будет переживать о своем личике. Не переживайте, доктор Перес просто волшебник, ни следочка не останется, когда всё заживёт. Посмотрите, но только не пугайтесь - это всего лишь синяки, они пройдут.

“Красивая? Молодая? Что?!”

Карла поднесла мне зеркальце и я со страхом перевела взгляд с неё на своё отражение.

Разглядывать было особенно нечего. Брови, глаза, кусочек лба, переносица. Ничего особенного, если бы не одна маленькая деталь - всё это было не моё.

Большие карие с золотистыми крапинками глаза. Ресницы пушистые и длинные. Брови черные, с кокетливым изгибом. И конечно же синяки, обрамляющие всю эту красоту. Но впечатления испортить они не могли.

Теперь стало понятно, почему меня спутали с Габриэлой Ловеярой. Если бы я встретила себя сейчас на улице, тоже бы никогда не подумала, что это я и есть - Оля Бобик. Серенькая, неприметная, светлоглазая и светловолосая, с бледными короткими ресничками и незаметными бровями.

- Ну, видите? Всё в порядке, - довольная Карла сверкнула белоснежными зубами и вернула зеркальце на место.

Я поблагодарила милую девушку, как могла, взглядом и закрыла глаза, притворившись спящей. Сердце люто колотилось, разум не справлялся с увиденным.

Карла, видимо, что-то почувствовала, взяла меня за руку и нащупала пульс. А потом сделала укол в вену. Сердцебиение постепенно улеглось, мысли стали вялыми. Снова захотелось спать и не просыпаться, пока с меня не снимут гипс и все бинты. Что они еще скрывали от меня?

Набираясь терпения, я стала подмечать детали, которые ускользали от моего внимания раньше. Например, прическа и макияж Карлы, как в старых фильмах или на винтажных открытках. В медицинской форме я не слишком разбиралась, а вот инструменты были явно устаревшие. Шприцы, например. Никакого одноразового пластика - стекло и металл. Также отсутствовало хоть какое-нибудь современное оборудование, те же мониторы с показаниями, пульсометры, автоматические тонометры.

Но самое главное, конечно, мои глаза. Зеркала я больше не просила: хватило и одного раза, чтобы моя туго забинтованная фляжечка засвистела. Только усилием воли я удержала в себе разум.

Нельзя сказать, что мне не встречались книги о попаданцах - я много читала. Однако, я предпочитала литературу как можно более реалистичную. Если фантастику, то научную. А попаданцы были чем-то уж совсем сказочным. Помню, я как-то недолго размышляла о том, что столько о них пишут и снимают фильмов, но в реальной жизни их никто не встречал.

И, кажется, я теперь поняла, почему. Просто все попаданцы боялись, что их сочтут сумасшедшими. Точно так же, как я сейчас. Поэтому, когда с меня сняли гипс и попросили назвать своё имя - для проверки речевого аппарата, каких-то реакций, не знаю, чего еще там, то я, не задумываясь, ответила:

- Габриэла-Роса Ловеяра.

Доктор Перес довольно улыбнулся: мой речевой аппарат работал безупречно. Теперь он мог вплотную заняться моим восстановлением. После месяца, проведенного в гипсовых лангетах, я с трудом сидела, а ходила только по стеночке, и то с помощью Карлы.

Но силы восстанавливались быстро, и вскоре я всерьёз задумалась о том, кто я и как мне жить дальше. Зеркало окончательно перекочевало со стены ко мне на тумбочку. Тайком я то и дело разглядывала себя, привыкая к новому лицу и телу.

Уж не знаю, какой квест я прошла в прошлой жизни, и чем заслужила, но в этой судьба оказалась ко мне щедра в плане внешности. От старой серенько-никакой Оли Бобик не осталось и следа. Я поочередно то упивалась своей внезапной удачей, то боялась неизвестности до нервной трясушки.

В один из дней доктор Перес появился уже после обхода, причем не один. Его сопровождал человек в форме, на вид абсолютно мне незнакомой. Мундир с двумя рядами круглых пуговиц, рукава с желтыми обшлагами, над обшлагами пуговицы были в форме звездочек. Шляпа, похожая на треуголку. Её карабинер нес в руке, прижимая к боку.

Волосы черные настолько, что отливали синевой, как вороново крыло. Возраст, скорее, средний, но как следует я разглядеть не успела. Сердце глупо заметалось от мысли: “А вдруг я, то есть Габриэла, натворила что-нибудь и вместо шанса новой жизни я попаду под суд”.

Доктор кивнул офицеру на меня, а тот уверенно подтвердил:

- Да, это она! - и четким шагом направился ко мне.

“Конец”, - холодея, подумала я и замерла, как кролик перед удавом.

- Сеньорита Ловеира? Позвольте представиться: капитан Луис Мигель. Можно присесть? - он указал на стул, стоящий возле моей койки.

Я только судорожно кивнула и отложила зеркальце на тумбочку. Но промахнулась - оно перевесило и грохнулось на пол, разлетевшись на десятки осколков.

Доктор и карабинер суеверно перекрестились как-то по-своему, скрещеными пальцами, а я лишь вздрогнула, втянув голову в плечи. Может быть, я поторопилась, радуясь второму шансу на жизнь?

- Сеньорита, мне жаль быть вестником печали в вашей жизни, - он откашлялся и покопался на разбитое зеркало, - но вынужден вам сообщить, что ваш отец скончался. Это стало известно, когда вас обнаружили на берегу, а ваш баркас затушили. Мы бы сообщили вам и раньше, но доктор Перес запретил нам: вы были в плохом состоянии. Сеньорита Ловеира, как вы? Скажите что-нибудь...

Передо мной в данный момент стояло лицо того старого рыбака, глядящего на меня с нежностью и печалью. Он любил меня, он спас меня. А Олю Бобик никто никогда не любил. И этот прощальный любящий взгляд рыбака, предназначенный своей дочери Габриэле, пронесу теперь и я через всю жизнь, которая досталась мне так нечаянно-внезапно.

Для меня было неожиданностью, что я разразилась горькими слезами. А для окружающих нет: доктор захлопотал вокруг меня, капитан же сочувственно откашлялся.

Глава 3

Когда поток моих слёз иссяк, капитан снова откашлялся, ненавязчиво привлекая моё внимание.

- Сеньорита, мои искренние соболезнования. Все знали вашего отца как честного, порядочного человека. Несомненно, вы, как его дочь, не позволите запятнать его репутацию.

В этих словах, кроме сожалений, появилось что-то новенькое. Как будто “Я вам сочувствую, но...”

Я подняла голову, а Карла, которая в какой-то момент оказалась рядом, протянула носовой платок. Высморкавшись основательно и поправив сбившуюся больничную рубашку, чтобы потянуть время, я прогнусавила:

- Слушаю вас, капитан, вы что-то еще хотите сказать?

Мигель снова кашлянул (захотелось дать ему мятную конфетку) и протянул мне большой конверт из грубой коричневой бумаги, вроде обёрточной. У нас на рынках продавцы заворачивали в такую сыр и колбасу до появления упаковочных пакетиков.

Бумаги в конверте представляли собой какие-то векселя, долговые расписки, опись имущества. Я успела рассмотреть первые пункты “дом, баркас”.

- Что это всё значит и что мне с этим делать? - спросила я капитана Мигеля.

Тот поднялся и щелкнул каблуками.

- Сеньорита, вы единственная наследница имущества, а соответственно и долгов своего отца. В мои полномочия входит только поставить вас в известность и передать бумаги, - он снова щелкнул каблуками. “Ну хоть кашлять перестал. Дуболом”, - подумала я, однако настоящей злости к нему не испытывала. Человек на работе. И так тут крестился, кашлял - всё это, наверняка, тоже не входило в его полномочия.

- Капитан Мигель, позвольте вас угостить в моём кабинете. Сеньорите Габриэле нужно отдохнуть. Достаточно на сегодня потрясений, - мой ушастик-доктор выступил на передний план и провел пальцем легко по моей щеке, а затем взял за запястье, незаметно нащупывая пульс. - Карла!

Красотка опустилась на кровать рядом со мной и погладила по голове. Почти незаметно для меня дала мне выпить что-то мятное из стаканчика.

Мужчины удалились, а я уставилась на непонятные бумаги у меня в руках.

- Карла, - шепнула я, - что это всё значит? Сколько это долгов, много? Я ничего не понимаю.

Карла деловито взяла у меня бумаги. Быстренько перебрал листочки тонкими пальчиками, она охнула.

- Габи! Ты совсем ничего не знала? Это же куча денег!

- Ничего не знала, - я прилегла на подушку. - Как я всё это разгребу?

А потом я вдруг вспомнила, как чуть бесславно не сгорела чурочкой в нашей раздевалке. Подумаешь, долги! Да разберемся. Вон там в перечне имущества дом, баркас. Вряд ли тот бедняга рыбак набрал кредитов на большее.

Глаза стали смыкаться. По-моему, это действовало мятное зелье Карлы.

Проснулась в сумерках. Рядом никого не было. Я сходила в туалетную комнату, а, вернувшись, обнаружила тарелку с вечерней кашей на своей тумбочке.

Аппетита не было, но я заставила себя съесть всё до капельки. И лепешку тоже. Кто знает, может, завтра я окажусь на улице и буду вспоминать эту холодную кукурузную кашу на воде.

Вообще, было понятно, что моя тушка уже вполне здорова, и меня могут выписать хоть завтра, а я даже не знала, где нахожусь и где мой дом.

Ну хорошо, в бумагах указан адрес, а язык, как известно, до Киева доведёт.

Но в какую страну меня занесло? В какое время? Как мне решать проблемы, если я не знаю даже элементарного? Изю всех сил стараясь не поддаться панике, я стала искать плюсы в создавшемся положении.

Ну, значит, первое - я была жива и здорова... И, как говорилось в байке про Наполеона, первого было достаточно.

Больше сегодня посетителей у меня не было. Не включая свет, я распахнула окно и вдохнула солоноватый густой воздух. Огни деревушки, где находилась больница, были редкими. Пора было ложиться спать. Просто больше нечем было заняться.

Я стала думать о своём новом имени. Красивое. Интересно, почему старик-рыбак звал меня Чара? Какое-то сокращение. И мне оно тоже нравилось. С этим именем хотелось нести себя гордо, не давая спуску обидчикам и кровным врагам... Я расфантазировалась и незаметно уснула.

На следующий день доктор Перес - его имя было Марио - сообщил мне, что выпишет меня до конца недели. Что-то от Оли Бобик трусливо дрогнуло у меня внутри: в больнице было так спокойно, можно было ничего не решать... Я взяла себя в руки и, подняв подбородок, улыбнулась Марио от всей души, глядя в его добрые глазки-бусинки:

- Спасибо вам, доктор Перес. Вы меня просто по частям собрали! - вспомнив, какие здесь все религиозные, добавила: - Буду молиться за вас всем святым!

Доктор смущенно покраснел, засуетился, стал похож на школьника.

- Ну что вы, сеньорита. Если что-то будет беспокоить, вы обращайтесь ко мне, приходите.

После доктора прискакала Карла.

- Габи, я поговорила со своим братом, он отвезет тебя в пятницу домой на своей повозке. Отсюда далековато до твоего дома, а ты ещё слаба.

Господи, спасибо тебе за добрых, отзывчивых людей!

- Спасибо, Карла! Как же я тебе благодарна. Честно говоря, я в такой растерянности.

- Ещё бы! - подхватила словоохотливая девушка. - Остаться без отца, да еще и с кучей долгов. Знаешь, я тоже не особенно соображаю в счетах, когда это не цена на туфли. Но есть у меня один ухажер - страшно нудный, но умный, надо признать. Я загляну к тебе в субботу вечером с ним, он будет рад помочь. Сейчас я побегу, а ты не грусти, красотка, ладно?

- Обещаю, дорогая, спасибо! Мне стало гораздо легче, - я от души улыбнулась отзывчивой девушке.

Интересно. Судя по всему, мы не были знакомы с Карлой и не дружили раньше, но в этой местности, наверное, все друг друга знали хотя бы в лицо.

Гуляя по территории больницы, я порой встречала других больных, правда, редко. Все неизменно здоровались со мной, называли по имени, улыбались, желая скорейшего выздоровления.

Остаток недели пролетел быстро и, наконец, настало утро выписки. Погода стояла ясная, солнечная. Но жарко не было.

Карла притащила мне несколько своих вещей на выписку: юбку, кофточку, косынку и даже потрепанные туфли. Из своего имущества у меня был только конверт с долговыми расписками, так что уезжала из больницы я налегке.

Брат Карлы Уго оказался здоровенным малым с копной каштановых, давно нечесаных волос. Он всего лишь раз глянул на меня исподлобья и молча помог взобраться на грубую повозку. В неё была впряжена рыжая лошадь, неторопливая и задумчивая. Она спокойно жевала губами и была немного похожа на верблюда.

Ехали мы мимо покосившихся домиков по улочкам окраины, которая тянулась довольно долго. Минут через двадцать перед глазами открылся вид на залив в обрамлении невысоких зеленых гор. Пейзаж был таким ярким, что я сначала даже ахнула и зажмурилась. А потом,

вцепившись, в борт повозки разглядывала голубую воду в золотых бликах, берег, облепленный лодками и небольшими судами.

Центр города или посёлка выглядел побогаче. Каменные дома в два и даже три этажа, но таких было совсем мало. Убогие лачужки сиротливо лепились вокруг них, как бедные родственники. Интересно, какой из домов был моим?

Я разглядывала каждый, пытаюсь угадать, возле какого мы остановимся, но мы всё продолжали ехать по пыльной дороге.

Солнце припекало, голова начинала побаливать. Повозка тащилась очень медленно.

Центр поселка закончился, и мы свернули прямо к заливу. Берег здесь был каменистый. В конце очень условной дороги виднелся маленький старый причал и огромный серый валун возле него.

- Может, мы не туда заехали? - прокричала я в спину Уго. Стало страшновато: куда он завёз меня?

Парень, не оборачиваясь, мотнул головой и натянул поводья.

- Приехали, - это было первое слово, которое я услышала от него.

Приехали куда? Растерянно оглянувшись, я вдруг поняла, что серый валун - это лежащий на камнях, почти на боку, старый ржавый баркас. Слева между деревьями располагалась какая-то пляжная заброшенная хижина без двери.

До меня не сразу дошло, что эта хижина и есть мой дом. А когда я это поняла, где-то внутри меня тихонько заскулила от страха Оля Бобик.

Глава 4

Уго не стал задерживаться и уехал сразу же. А я всё стояла и не решалась сдвинуться с места, прижимая к груди конверт с бумагами.

Вокруг было довольно симпатично: каменистая полоска берега заканчивалась и начинался бело-желтый песок с вкраплениями разноцветных ракушек. Оливковые и какие-то цитрусовые низкорослые деревья росли тут и там. Их была целая роща. Хотелось пройти вглубь, посмотреть, что там. Однако в первую очередь нужно было исследовать жилище, которое выглядело так жалко, что на первый взгляд я бы скорее устроилась спать на песке под низкими ветвями серебристых ветвей оливы. Дом был словно слеплен из грязи с намешанными в ней травой и какими-то стеблями. Крыша остроугольная, с заметными прорехами.

Ступив на порог, я обнаружила, что без двери был только "предбанник". Здесь сильно пахло рыбой. Я закрутила головой. И точно: выше меня сантиметров на двадцать она висела ровными рядами, сушилась.

По периметру этих сеней со щелями в стенах, были навалены ящики и бочонки: как целые, так и разбитые. В одном углу стоял плотно закрытый короб. Он был тщательно замотан тряпками и старой сетью.

Более здесь исследовать было нечего, и я шагнула к двери. Грубо сколоченная, она "надёжно" запиралась на деревяшку, крутящуюся на ржавом толстом гвозде. Очевидно, Габриэла с отцом считали, что честным людям прятать нечего.

Передо мной открылся длинный сквозной коридор. Наверное, он шел через всё здание. Внутри тоже пахло рыбой, но к этому мне, в принципе, было не привыкать: всю жизнь на рыбозаводе проработала. Не самое страшное. Помещение было темноватое, и я оставила дверь открытой, чтобы впустить сюда свет, а заодно и свежий воздух. Сквозняк и запах моря быстро устранили небольшую затхлость.

Осмотревшись, я поняла, что этот коридор использовался как кухня, столовая и кладовка для всего на свете.

Печь-камин с большим зевом, большой разделочный, он же обеденный стол, две скамьи. Небольшой буфет с нехитрой посудой. Всё свободное место вдоль стен занимали ящики, испачканные рыбьей чешуёй.

Из этой проходной комнаты-кухни-коридора вели три двери. Я заглянула в две, расположенные друг напротив друга. Это были спальни. Одна совсем аскетичная - узкая кровать с дырявым покрывалом, рядом столик на трех хлипких ножках и стул. На столике кувшин и четки. Над кроватью висело распятие. В горле возник знакомый комок и я, открыв окошко для проветривания, вышла тихонько.

Спальня напротив была девичьей, хотя тоже очень скромной. Покрывало поновее бирюзового цвета, две вязаные думочки-подушки. На окне висел красивый кусок тюля, очевидно, купленный в обрезках в каком-нибудь ателье.

Плохонький туалетный столик с зеркалом в пятнышках. Когда-то лакированный, но теперь же лак по большей части отсутствовал.

На столике лежала расческа, дешевая пудреница, флакончик духов и деревянная шка-тулка. В углу комнаты располагался гардероб с покосившимися дверцами.

Я посидела на кровати, привыкая к ней. Неуютное чувство не покидало меня, и я решила исследовать третью дверь в коридоре.

Она вела во внутренний дворик, вымощенный морскими камешками. Небольшая клумба с цветущими каннами, обеденный стол и стулья, выкрашенные в голубой цвет. Здесь же была расположена примитивная колонка.

Нажав на рычаг, я убедилась, что вода в ней есть. Сначала труба недовольно зафырчала, загудела, а потом на землю и камни мутноватым потоком хлынула вода. Я подставила ладонь ковшиком, напилась и умылась. Это немного освежило и взбодрило меня. Теперь нужно было думать, что делать дальше. Хорошо было бы разобраться с бумагами, но я была уверена, что без посторонней помощи мне не обойтись. К тому же Карла обещала привести помочь какого-то друга.

Я снова обошла дом. В общем, было не так страшно, как казалось на первый взгляд. Во всяком случае, жить было можно. Но всё казалось таким пыльным и засаленным, что, не придумав ничего лучше, я принялась за уборку.

В одном из шкафчиков нашлись куски грубого хозяйственного мыла с дегтярным запахом и пара вёдер. Помучавшись прилично, мне удалось развести огонь в камине-очаге. Спички и щепка для растопки лежали тут же на полочке. Когда огонь сначала робко, а потом всё веселее стал дразниться язычками пламени, я взяла вёдра и пошла на задний дворик к колонке.

Набрав воды, потащила их обратно, обливая себе ноги. Вскоре вода уже была достаточно теплой и я, настругав и растворив в одном ведре брусок мыла, принялась отмывать всё: от оконных рам до полов. Со столом пришлось повозиться, отскребая его ножом от засохших рыбных ошметков и прочей грязи. В конце концов он засиял почти первозданным цветом дерева.

Воду пришлось греть еще два раза, пока мне удалось растворить вековой слой жирной пыли.

Окна стали пропускать свет, и стало почти уютно. Следующим этапом я перебрала и замочила в мыльной воде всю посуду. Сходила на берег за песком и теперь тёрла им остервенело, как будто этим я могла избавиться не только от пыли и нагара, но и от всех остальных проблем.

Пальцы сморщились от воды, мыло оказалось довольно едким и нещадно щипало мне руки. По ходу уборки я ломала в дальней части коридора развалившиеся деревянные ящики и складывала обломки в ящик побольше - для растопки печи. Места стало гораздо больше.

Сколько времени прошло за всеми этими хлопотами, я не знала: часов в доме не было. Солнце еще не садилось, но ушло с зенита уже давно.

Внезапно я почувствовала, что страшно голодна. Еды мне никакой не попадалось, только какие-то засохшие корки, которые были сразу выброшены. Выйдя в “предбанник” я с сомнением уставилась на висящую над головой рыбу. Не то чтобы я была слишком уж притязательна или привыкла по жизни в харчах ковыряться... Но как-то даже без хлеба...

Мой взгляд упал на короб, так заботливо укутанный чьими-то руками. Может, пищевые припасы хранились там?

Я принялась распаковывать ящик, аккуратно складывая рядом ветошь и сети. Предчувствия меня не обманули: в этом ларе были самые необходимые базовые продукты. Нашлась мука, ароматное подсолнечное масло в большой стеклянной бутылке, крупы в мешочках, сухие вяленые помидоры, несколько банок оливок, варенье, куски сыра в рассоле, сахар.

Смерть от голода в ближайшее время мне точно не грозила, и я облегченно выдохнула. Решив приготовить фокаччу с оливками, помидорами и сыром, я уже предвкушала, как плотно поужинаю, окунусь в море и свалюсь спать без задних ног.

Но как только я замесила тесто, послышался знакомый голос:

- Габи! Габи, ты здесь? Мы пришли!

Несколько секунд я совершенно не могла сообразить, кто это может быть. Полная перезагрузка мозга. А потом сообразила и кинулась к двери. Это же Карла! Пришла, как обещала.

- Иди сюда! - позвала я и пошла навстречу.

В проёме показалась сияющая Карла. Выглядела она нарядно: пышная лиловая юбка в горошек с нижней кружевной, сиреневая льняная кофточка с рукавами-фонариками. Лимонно-желтая повязка на голове.

- Ты соскучилась в больнице по домашнему хозяйству? - фыркнула она насмешливо, - хотя от ужина мы не откажемся.

С этими словами она вытолкнула перед собой долговязого худого парнишку в круглых очках, дужки которым заменяла резинка. Он смотрел в пол, боясь поднять глаза.

- Проходите, сейчас фокачча будет! - пригласила я.

Парень топтался на месте, и Карла дала ему несильного пинка. Тогда тот сел и впервые осмелился посмотреть на меня.

Прыщеватый лоб, нос с горбинкой, умные смущенные глаза.

- Меня зовут Габриэла, - представилась я, чтобы подбодрить молодого человека, и прошла к печке.

- Очень приятно, - тихо проговорил он.

- А это Пабло Гарсия, - прострекотала Карла. - Кстати, он сказал, что вы знакомы, как же так?

- Учились в начальной школе вместе, - снова уставился в пол Пабло.

- Так вот поэтому она тебя и не помнит. Ты с тех пор таким красавчиком стал, - поддела Карла, а парень покраснел.

- Карла сказала, ты можешь помочь мне разобраться с бумагами отца, Пабло? - спросила я, обильно утыкав фокаччу сыром, оливками и вялеными помидорами. Для себя я бы поскромнее старалась, но все-таки у меня были гости. Кстати, впервые и в прошлой, и в этой жизни.

- Давайте посмотрим. Я постараюсь, конечно, - Пабло поднял на меня глаза, улыбнулся смущенно и поправил свои смешные очки.

- Но сначала поужинаем, - Карла прошествовала к печке и оценила взглядом произведение моего кулинарного искусства: - Выглядит потрясающе!

Глава 5

Рассортировав бумаги, счета, векселя или Бог знает что там еще было, Пабло взялся за их изучение. Мы с Карлой пристроились по бокам от него, стараясь даже не дышать.

Время от времени парнишка присвистывал, качал головой и бормотал себе под нос что-то типа “Ну и ну, ничего себе!”. Карла при этом посматривала на меня поверх его головы округлившимися глазами и пожимала изящными плечиками.

- Ничего не понимаю, - расстроено проговорил он, наконец, откидываясь назад.

- А что там такое? - опасливо спросила я, даже не пытаюсь представить масштаб бедствия.

- Долг громадный, такой несколько лет нужно отдавать, - покачал он головой, - но вот что странно: как будто не хватает какого-то документа. Обеспечения ссуды. Ваш отец был простым рыбаком, никакого ценного имущества нет. Подо что ему дали столько денег? Было бы здесь какое-нибудь свидетельство собственности, тогда понятно. А вы точно не знаете, Габи? Понимая это, можно прикинуть, стоит ли отвечать по кредитам или проще пожертвовать имуществом.

- Паблиньо, а разве дом и эта посуда на мели ничего не стоят? - спросила Карла.

Парень махнул рукой.

- Практически ничего, горстку песет. Вот если бы сеньор Ловеира был землевладельцем, да с фермой или несколькими рабочими шхунами, тогда было бы ясно. Но в документах ничего такого нет. Они как будто специально так оформлены.

- А что будет, если не платить? - Карла задала вопрос, который я сама стеснялась произнести.

Пабло стянул очки с головы и стал их протирать мятым платком.

- Сначала наложат арест на дом, Габриэла окажется на улице. А потом в тюрьме.

Я взволнованно заходила по длинной кухне вдоль стола. Карла и Пабло смотрели на меня сочувственно.

- Что же мне делать? - твердила я безнадежно, как будто ребята могли знать ответ на этот вопрос. - Радовалась тут, когда продукты нашла, а оказывается, не стоило и переживать: в тюрьме, небось, кормят.

- Габи, не отчаивайся, - попыталась подбодрить Карла, - если отберут дом, ты можешь пойти жить ко мне. Мать поворчит, но не выгонит.

Я остановилась и постаралась взять себя в руки.

- Спасибо, дорогая. Но это не выход. Допустим, я найду заработок, но, скорее всего, я только-только сумею себя прокормить.

- Габриэла, нужно узнать, как вашему отцу дали такую сумму и вообще куда она делась? Вы ничего не приобретали? - Пабло огляделся вокруг, как будто внезапно ожидал увидеть на моей кухне что-то ценное.

- Насколько я знаю, нет, - ответила я. - А вдруг отец просто не говорил мне?

Положение казалось каким-то совершенно безвыходным.

- Можно найти богатого кавалера, - брякнула Карла. Пабло уставился на неё укоризненно: один его глаз немного косил во внутренний уголок, отчего взгляд казался еще более осуждающим.

- Карла! - произнёс он неодобрительно и с нажимом.

- Ну а что ей делать, в тюрьму, что ли, садиться, - Карла вскочила, взметнув юбки, и тоже заходила взволнованно по кухне. Однако, её слова навели меня на мысль.

- Пабло, а там же есть имя кредитора? - спросила я. - Мне нужно обратиться к нему!

Парень вскочил, уронив с грохотом скамейку.

- Габи, и ты туда же! Позвольте тогда мне откланяться, я даже слышать этого не могу, а уж советовать...

До меня дошло, что мои слова он понял превратно или не понял вовсе.

- погоди ты! Не собираюсь я продаваться, а вот узнать подробности можно. Конечно, можно еще в доме поискать до этого...

- Вот, - нервно протер очки Пабло, - начни с этого. А основной кредитор сеньор Гонсалес.

- Что, большая шишка? - уныло спросила я. Всё было так запутанно. Еще и к какому-то богатею идти на поклон. Мало того, что просить отсрочку, пока я не придумаю, как отдавать долг, так еще и выпытывать о своем же имуществе.

Карла и Пабло переглянулись и уставились на меня.

- Милая, ты, верно, шутишь или у тебя провалы в памяти? - Карла обняла меня за плечи. - Гадину-Гонсалеса все знают. Как твой отец мог связаться с ним, не понимаю. Наверное, сильно деньги были нужны...

Тут она замолчала, как будто её озарила какая-то мысль.

- Постой-ка... Паблиньо, детка, посмотри там - когда отец Габи получал все эти деньги от Гонсалеса?

Пабло зашуршал бумагами.

- Три года назад и чуть ранее. Срок векселей как раз истекает.

- Да я не об этом, - отмахнулась девушка. - Габи, возможно, это никак не связано, но ведь твоя мама как раз тогда умерла? А до этого лежала у нас в больнице. Это еще до меня было, мне доктор Перес рассказывал, когда ты к нам попала. Что начинал лечить сеньору Росу, а потом твой отец забрал её и перевёз в столицу.

- Думаешь, отец мог брать деньги в долг на лечение? - я подумала, что, наверное, это было самым разумным объяснением.

- Да, похоже на правду, - покивал головой Пабло. - Странно, что ты об этом не знаешь.

- Так вот случилось, что не знаю, - насупилась я, как будто от меня и вправду в семье были секреты.

- Ладно, - в очередной раз стал протирать очки Пабло, - ты ищи еще какие-нибудь документы по дому. А сейчас мне пора. Карла, ты со мной?

- Далеко вам возвращаться, мы столько ехали, - мне стало неудобно, что ребятам из-за меня столько предстояло идти в темноте.

Карла озабоченно нахмурилась и заглянула мне в глаза, бесцеремонно оттянув веки, а потом заставила проследить за её пальцем. Изображала невропатолога, наверное.

- Не помню, чтобы док Перес говорил о твоих провалах в памяти. Детка, тут до поселка идти минут десять. Через каменный мост. От больницы и правда далеко. Поэтому я и попросила Уго подвезти тебя.

- Понятно, - вздохнула я. Честно говоря, вымотана была капитально и уже сама хотела, чтобы они ушли.

- Пойдем, пойдем, - заторопилась Карла, - я еще успею на посиделки к Альбе. Кстати, Габи, ты не хочешь присоединиться?

- Боже упаси, - ответила я, желая только лишь добраться до кровати, - меня ноги не держат.

Проводив ребят до порога, спохватилась, что понятия не имею, где их искать, если что.

- Приходите ко мне завтра, - сообразила я в последнюю минуту. - Я приготовлю что-нибудь, искупаемся.

Карла подумала секунду, а потом довольно закивала.

- Отлично, мы как раз думали, у кого можно собраться. Много не наготовливай, мы что-нибудь тоже принесем!

Расцеловав меня в обе щеки, она, пританцовывая, направилась по мостику, а Пабло поспешил за ней, улыбнувшись мне на прощанье.

Вернувшись в дом уже почти в темноте, я зажгла керосиновую лампу, которую оттерла до блеска днём, и сполоснула тарелки. Голова гудела, как растревоженный улей.

По-хорошему, нужно было ложиться спать. Как говорится, будет день, будет пища. Но нервная система была слишком взбудоражена, и я знала, что не засну. Поэтому решила дойти до полосы прибоя, может быть, помочить ноги, если вода теплая.

Прихватив лампу, я пошла осторожно в темноте, освещая себе путь. Узкая полоса над горизонтом была светлой - голубая с красным. Дойдя до пирса, я с опаской покосилась на темный мрачный баркас. Он портил всю картину.

Сев на доски, я поставила лампу рядом и осторожно опустила в воду ноги. Вода была приятно прохладной. Свежей, но совсем не холодной.

Сразу прояснилось в голове, и жизнь как будто неуловимо наладилась. С удовольствием болтая ступнями, я почувствовала, что всё будет хорошо. Хотя, может быть, и не сразу.

Глава 6

Я думала, что не усну: перевозбуждение, какой-то ворох проблем. При худшем исходе я окажусь в тюрьме, и прочее... Но как только я перестелила простынь и моя голова коснулась подушки, в сон провалилась мгновенно.

На рассвете меня разбудили какие-то сумасшедшие птицы, устроив у меня за окном то ли драку, то ли свадьбу, но гомон стоял, хоть уши затыкай. И некоторое время я лежала, наслаждаясь этим ором, солнечным зайцем на подушке и свежим ветерком, раздувающим кусок тюля на окне.

Потом постепенно вспомнилось всё. Но я уже успела зарядиться позитивом, как батарейка. Пока ты жив, все проблемы решаемы!

Я вскочила и, как есть, в коротенькой рубашонке вышла на кухню, а потом во двор.

Дом находился на отшибе, как бы в тупике бухты, поэтому проезжей дороги мимо не было. Вид при этом открывался такой, что дух захватывало. Слева находилась роща, а справа, где-то за скалами - посёлок.

“И как это никто не облюбовал такое роскошное место?” - подумала я. Весь берег посёлка был облеплен лодками и причалами. Я видела это вчера, когда мы с Уго проезжали мимо. Здесь же было как в раю. И в этом раю я была одна.

Взгрустнулось об отце Габриэлы. Потом подумалось о том, что как только я обрела место своей мечты, его тут же могут отобрать.

Побродив по влажному песку, я вернулась в дом, походила по нему. Вспомнилось, что нужно найти какой-то важный документ. И стала сначала осторожно, а потом с азартом ризеншнауцера принялась искать сама, не зная что. Нашлись свидетельство о рождении Габриэлы-Росы Ловеяры, церковное свидетельство о венчании Давида Ловеяры и Росарии Гарсия, свидетельство о смерти Росарии.

Карла была права: она умерла три года назад. Тогда и возникли огромные долги.

Дальнейшие поиски не принесли результатов - убранство дома было практически аскетичным, и искать было особенно негде.

Тогда я решила пока что заняться приготовлением какого-нибудь угощения для гостей. Сетуя на то, что я понятия не имела, сколько человек придет, замесила тесто на фокаччу и пока что отставила его в сторону. Потом вышла в прихожую и с сомнением уставилась на рыбу, висящую там под потолком.

Нужно было её достать и проверить на готовность. Облезлую лесенку-стремянку я обнаружила тут же. Её надёжность вызывала сомнение, но я всё же полезла по хлипким ступенечкам, потев от страха. Содрав несколько рыбин, спустилась обратно, обмирая. Лесенка скрипела жалобно, однако выдержала.

В рыбе я, слава богу, разобралась, будучи по специальности технологом пищевой промышленности. Эта была готова и весьма аппетитна: бочка лоснилась жирком, спинки толстенькие. Почистив и нарезав её, я накрыла блюдо большой крышкой от кастрюли и задумалась. Всё равно было как-то жидковато. Но больше я ничем не располагала. Оливки достану, а что еще?

Выйдя на берег снова полюбоваться видом, я зажмурилась от слепящего света. Море сверкало тысячами искр, штиль стоял полный. Даже не верилось сейчас, что Габриэла с отцом попали в такой шторм.

Недалеко от пирса вдруг выпрыгнула большая упругая рыбина, затем вторая. Я вспомнила, что в одном из углов кухни в ящике стояли удочки и рядом еще какие-то снасти.

У меня возникла мысль попробовать половить. Никогда в жизни я не занималась рыбной ловлей. Только изучила сотни способов её приготовления. Но... почему бы и нет? Заняться особенно было больше нечем.

Выбрав удилище, которое мне показалось наиболее готовым к процессу, я вспомнила о наживке. Пришлось еще и червей копать. С этим я более-менее справилась, копаясь в жирной земле клумбы на заднем дворике.

Наконец, устроившись на пирсе, я наживила червя на крючок и попыталась забросить леску подальше. Получилось не с первого раза. Когда результат меня устроил и поплавок замер на водной глади, я вперилась в него взглядом, бормоча под нос "Ловись рыбка большая и маленькая"

Время шло, солнце припекало, а я всё так же сидела, уставившись на неподвижный поплавок. Глаза устали, и я начала невольно моргать дольше, чтобы дать им чуть-чуть отдохнуть от солнечного света и напряжения.

Моргнула - поплавок есть, моргнула - на месте, моргнула - нет поплавка. Я и поняла-то не сразу, но когда удочку чуть не вырвало у меня из руки, подскочила.

- Стой! - закричала я неизвестно кому: себе, удочке или рыбе, попавшейся на крючок.

Подтянув к себе удилище, я плюхнулась животом на пирс и стала осторожно тянуть леску на себя. Когда в воде показалась голова рыбины, я чуть не заорала и чуть ослабила натяжение. Она тут же скрылась из вида. Но на крючке сидела, видимо, плотно, потому что удилище задержалось у меня в руке снова и я, зажмурившись, выдернула рыбину из воды.

Она шлепнулась на горячие доски пирса и запрыгала по ним. А я ничего не нашла лучше, чем плюхнуться на нее животом, чтобы та не ускакала.

Никакого ведра для улова я взять с собой не догадалась, конечно. Поэтому, когда рыбина утомилась, я поднялась, измазанная и мокрая с головы до ног, сгребла свою снасть и добычу и пошла, оскальзываясь, к дому.

Ура! У меня получилось! Внутри меня всё ликovalo - оказывается, я вот так просто могу прокормить себя, просто закинув удочку в море!

Сейчас я не помнила ни о долгах, ни о перспективе загреметь в тюрьму, предвкушая, как сейчас приготовлю свой улов для себя и друзей.

Внезапно остановившись, я прислушалась к своим мыслям - а ведь у меня раньше никогда не было друзей. А теперь они появились.

Остаток дня прошел в компании кулинарной музыки. Я делала кляр, мариновала рыбные стейки - всё было готово к моему скромному приёму. А еще я была так горда собой.

"Надо будет завтра же выйти на рыбалку пораньше, на рассвете", - деловито подумала я. Вроде бы где-то читала, что лов лучше именно на рассвете.

Близился вечер. Я вымыла внутренний дворик и расставила там ящики, перевернув их, чтобы гости могли посидеть на свежем воздухе, если вдруг стульев не хватит.

Когда послышались голоса, я счастливо улыбнулась - их было много, не меньше десятка человек. Впереди всех звенел голосок Карлы.

Очень скоро мой дом наполнился гомоном, не хуже утреннего птичьего. Пора было жарить мою рыбку. Я хотела, было, похвастаться, что поймала в первый раз, но вовремя прикусила язык: Габриэла, дочь рыбака, поймала рыбу в первый раз?

- Габи, как пахнет вкусно! - Карла потянула носом, чувственно прикрыв глаза.

Молодые люди и девушки вокруг согласно заговорили, а я улыбалась им и не знала кто есть кто. Поскольку никто особо не представлялся, предполагалось, что мы знакомы хотя бы шапочно. Я вслушивалась и запоминала имена, одновременно снимая ломтики рыбы в золотистом кляре со сковороды.

- Габи, я же забыла тебе сказать, - Карла со стаканом вина, которое они принесли с собой, шлепнула меня по плечу. - Я работала сегодня половину смены и пристала к доктору Пересу.

Выспросила всё, что он знает про твоих родителей, как он лечил твою мать. Он всё хорошо помнит. Так вот, кроме твоего отца, её навещал только один человек - один спившийся рыбак. Его все у нас знают. Он такой, слегка не в себе, вечно ходит по улицам и кричит о том, что эта земля - его.

Я выложила последние сочные шкворчащие кусочки на блюдо и отерла пот со лба рукой: у печи было страшно жарко.

- И что из этого следует? - обратилась я к Карле, действительно не понимая, о чем речь. К тому же гости пытались заводить патефон, и что-то у них не ладилось. Все орали, жестикулировали, а мне хотелось на воздух.

Взяв Карлу под локоть, я потащила её на улицу.

- Что ты хотела сказать про того сумасшедшего старика? Как это может мне помочь?

Карла кинула взгляд на дверь: ей хотелось вернуться обратно. Гостям, наконец-то, удалось завести патефон и моей новоявленной подруге, наверное, хотелось потанцевать.

- Ну а вдруг, Габи, он знает что-нибудь? Каким твой отец обладал имуществом, чтобы Гонсалес дал ему денег.

- Ерунда какая-то, - пробормотала я. - Этот старик, может, дальний родственник моей матери и ничего не знает. Просто нужно идти к этому Гонсалесу и выяснять.

- Ну, смотри сама, - Карла крутанулась под музыку на каблучке. - А я бы воспользовалась любым шансом.

С этими словами она поскакала к дому, а я подумала, что её вывод четко совпадает с моей концепцией новой жизни. А значит, нужно и к старику заглянуть.

Кивнув самой себе, я направилась к дому, где веселилась молодежь поселка.

Глава 7

Вечеринка закончилась глубоко за полночь, я проводила последних, включая Карлу. Та пообещала, что назавтра мы вместе сходим к старику Пако, фамилию которого я забыла. Что-то вроде Корвалоло. Или Карамельо.

Вспоминая, как же подруга назвала вчера старого рыбака, я уснула, едва раздевшись.

Утром, словно будильник, включились птицы, и я подскочила, уже зная, что сделаю в первую очередь.

Чувствуя себя уже опытным рыболовом, я подготовилась сегодня более толково, как мне показалось. Взяла с собой ведро для будущего улова. А также сообразила, что несколько сачков, стоявших в углу рядом с удочками, не для ловли бабочек, а чтобы вытаскивать рыбу, попавшую на крючок.

Мной овладел азарт, и я устроилась на пирсе, стараясь не ёрзать и не скрипеть досками.

Первая поклёвка заставила меня вскрикнуть от восторга. Это было непередаваемое чувство дрожания удилица в руке, этого неведомого до вчерашнего дня момента.

Мне удалось подвести подсáчек к рыбине, но вытягивая её я всё равно что-то сделала не так и крючок основательно запутался в сетке. Какое-то время я возилась, чтобы распутать и отделить драгоценный улов от снасти. Торопилась, чтобы успеть забросить еще разок до прихода подруги, и от этого путала узел еще сильнее.

- Габриэла! - Карла в черной пышной юбке и белой кофточке стояла у дома и махала мне алой косынкой. Была бы я импрессионистом, так бы и нарисовала - такой сочной была эта картинка.

- Иду! - крикнула я и стала собирать своё рыболовное оснащение вместе с уловом. Если удастся сегодня купить морковки и лука, можно будет сварить уху.

- Давай скорее! - заторопила меня Карла.

Я оглядела себя.

- Сейчас, помоюсь быстренько, а одеться две минуты.

Карла вошла за мной в дом.

- Все в восторге оттого, как мы повеселились у тебя вчера. Почему мы раньше с тобой не дружили? Вы с отцом как-то всё сами по себе, как рачки-отшельники. Слушай, а что если мы еще к тебе придём?

Я слушала невнимательно, машинально кивала. Задумалась о том, что же конкретно мне спрашивать у Пако... как же его?

- Карла, а как фамилия старика Пако?

Видимо, я спросила невпопад, потому что она резко замолчала, соображая, о чем это я.

- Пако Карвальо, детка. Иисусе, хорошо, что мне не приходится напоминать, как тебя саму зовут! Надо всё-таки сказать доктору Пересу, что у тебя провалы в памяти.

Как всегда при упоминании доктора у Карлы становился благоговейный вид, а взгляд становился масляным.

- Тебе он нравится? - с нескрываемым любопытством задала я вопрос. Мне сложно было представить, что такую девушку, как Карла, мог заинтересовать милый, но такой смешноватый Марио Перес.

- Да что ты! Он же прекрасен! - воскликнула девушка, вспыхивая. - Я же из-за него и в больницу пошла работать: он хоть замечать меня стал. А до этого и так вилась, и эдак...

Я покачала головой. Удивительно.

- Боже мой, мы опаздываем! Давай я помогу тебе сделать прическу, - Карла усадила меня на стул, который жалобно скрипнул, и принялась колдовать над моими локонами. Что-то там

накрутив и оставшись довольной результатом, она распахнула мой гардероб. Он был довольно скромнен. Таких ярких нарядов, как у неё, там не было.

- Ну... хотя бы вот это, - Карла выбрала мне белое платье в желтый цветочек, также подобрала желтую косынку.

- Не всё ли равно, в каком виде показываться перед сеньором Карвальо? - пожала я плечами. - Ты сама говорила, что он спившийся и выживший из ума.

- Но потом-то мы с тобой пойдем прогуляться. Мало ли, кого встретим, - Карла оттеснила меня от зеркала и придирчиво осмотрела себя со всех сторон. - А на самом деле, гулять-то у нас и негде. Никаких развлечений. Скучнота.

- Всё только по гостям ходите? - с лёгкой иронией спросила я. Вчера молодежь очень даже веселилась: и танцевали, и в шарady какие-то играли. В общем, резвились. Как-то было незаметно, что кто-то скучал.

- Да, - подтвердила Карла со вздохом сожаления, - сама знаешь, что у нас ничего нет. Ни модных бистро, ни дансингов.

Мы вышли из дома и направились по каменному мосту. Здесь я была впервые и поэтому крутила головой, чтобы разглядеть всё внимательно.

Мостик был выстроен через речушку, которая отделяла морскую береговую линию от домиков с красными латаными крышами, тут и там уютящимися на холме. Выглядело всё необыкновенно красочно и живописно.

“Как можно скучать в таком месте?” - недоумевала я под щебетание птиц в кронах деревьев, а также Карлы, непринужденно держащей меня под руку.

- Воон мой дом, повыше, видишь? Как-нибудь придешь ко мне в гости, хотя у меня не разгуляешься: малышня в доме, мать вечно ворчит. Так что, если мы снова придем к тебе с компанией? - она заглядывала мне в глаза с просящей улыбкой.

- Да приходите, конечно, - ответила я без эмоций. - Только скоро эта лавочка прикроется, тогда не забудьте мне передачи в тюрьму приносить.

Карла нахмурилась.

- Надеюсь, Паблинью сможет тебе помочь. Ой, - спохватилась она, - только ты не подумай, что я ради вечеринок стараюсь.

Я усмехнулась.

- Ну и ради них тоже, ничего страшного.

Карла потянула меня влево, к плохонькому домику, больше напоминающему сторожевую будку. Оттуда шла узкая тропинка к морю и виднелся крошечный одинокий пирс.

- Это дом Пако? - догадалась я.

- Да, - деловито кивнула Карла, уверенно пробираясь между развешанными старыми сетями. Здесь пахло рыбой, как и у меня дома. А еще старыми водорослями и чем-то затхлым. Рядом с домиком располагался куцей огорожок в несколько грядок, болтались какие-то тряпки для просушки на плохо натянутой веревке.

- Сеньор Карвальо! Сеньор Карвальо, вы дома? - Карла толкнула болтающуюся дверь.

- Стой! - прошипела я. - Может, надо было принести ему что-нибудь? Что мы с пустыми руками?

Карла закатила глаза и похлопала рукой по своей яркой сумочке-торбе. Что она хотела сказать, я переспросить не успела: внутри домика раздался надсадный кашель.

- Что еще? Кто там?

Хозяин дома явно не был расположен принимать гостей. Однако по звукам стало понятно, что он встал и двигается к двери.

- Ох, и жарко же, - Карла придвинулась ближе к стене, чтобы оказаться в тени крошечного козырька над дверью.

На пороге показался лохматый старый человек с неровной бородой желтоватого цвета. Глаз под нависшими веками почти не было видно. Нос напоминал спелую сливу. Слива недовольно морщилась в данный момент.

- Что еще? - повторил старик, обдавая нас крепким запахом дешевого рома.

Я, конечно, не знала, как пахнет ни дешевый ром, ни дорогой, но ассоциация возникла именно такая.

- Сеньор Карвальо, мы принесли вам гостинцев: я и моя подруга Габриэла Ловеира. Подумали, что вы захотите почтить память её отца, - с этими словами Карла вытащила бутылку темного стекла из своей торбочки.

Выражение лица Пако Карвальо сменилось на более милостивое. Оглядев Карлу и её презент, он остановил взгляд на мне.

- Ты, значит, Габи-Роса? Я помню тебя вот таким мальком, девочка, - Пако закашлялся снова и махнул рукой. - Туда идите, я сейчас.

С другой стороны домика мы обнаружили столик на одной ножке, вкопанный в землю и две лавочки по обе стороны от него.

Карвальо, пошатываясь, показался вслед за нами. В руках он нёс три мутноватых стакана и какую-то тарелку. На тарелке оказалась пожухлая зелень и заветренный хлеб.

Отчего-то в горле встал знакомый колючий ком. Стало очень жаль старика, и я отвернулась, чтобы вдруг не расклеиться.

- Давай, Чара. Выпьем. Помянуть - не грех, а святое дело.

“Чара”, - я вспомнила: да, так отец называл Габриэлу. Остальные звали Габи.

Пако наполнил свой стакан, плеснув нам с Карлой на доньшки. Все пригубили, помолчали.

- Ты ведь не за этим пришла, Чара? - старик добавил себе еще из бутылки. Карлу он игнорировал, обращаясь только ко мне.

- Вы правы, сеньор Карвальо. Нужно поговорить. Я сейчас постараюсь собраться с мыслями.

- Давай-давай, собирайся. Хотя бьюсь об заклад, что знаю, что тебя привело, - Пако прищурился.

Карла посмотрела на меня ободряюще, мол, всё идёт хорошо, продолжай.

- У отца были большие долги, - начала я, стараясь передать самую суть, - но я не знаю, под что ему дали такие деньги. Может, если бы...

- Не продолжай, всё ясно, - Пако Карвальо разразился кашлем и снова отхлебнул из стакана, - за твою мать, Чара мия. Она тоже была Чара для твоего отца. А еще лучшей в мире женщиной. За неё.

Наверное, нужно было переждать, пока старый рыбак не помянет всех до конца бутылки. Но я готова была набраться терпения, лишь бы узнать хоть что-то. А Пако явно что-то знал.

- Гонсалес, - наконец произнес, скривившись, Карвальо. - Тухлый спрут Гонсалес. Из-за него я остался ни с чем. А ведь вся эта земля - моя.

Старик встал, качаясь. Наверное, не надо было позволять ему допивать всё. Казалось, что он вот-вот упадет.

- Моя земля! - выкрикнул он, заплетающимся языком. - А земля твоего отца теперь твоя!

Он уставил на меня палец и потерял равновесие. Мы с Карлой чудом успели подхватить его. Разговаривать дальше было бессмысленно, нужно было уложить его в постель.

- Как его от двух глотков-то снесло, не рассчитали, - Карла выдохнула с шумом, когда мы уложили Пако на голый матрас. Он что-то забормотал. Я постаралась прислушаться.

- Весь берег, Чара, твоего отца и мой. А Гонсалес - тухлый спрут! - повторив то, что сказал до этого, Пако громко захрапел.

- Ох, пошли на воздух, - зажала нос Карла.

- Подожди, давай хоть воды ему рядом поставим, - я огляделась.

Подруга фыркнула.

- Нужна ему твоя вода, конечно. Там снаружи, у него вода стоит, - она подняла валявшуюся кружку, - сейчас наберём. Но, послушай, что же он такое про землю плёл?

Я только развела руками.

- Откуда же я знаю. А может, моему отцу и правда какая-то земля принадлежит? И под неё он получил деньги от Гонсалеса.

- Да что же это за земля такая золотая, - всплеснула руками Карла, поставив кружку в изголовье Пако, - только если часть берега. Но это всё принадлежит Гонсалесу, все это знают.

- А почему тогда вокруг нашего дома ничего не настроено, как в поселке? Думаешь, Гонсалес не нашел, как бы там делать деньги? Это же райский уголок.

Мы вышли из дома Пако Карвальо и направились по узкой набережной. Здесь теснились рыбаки со своими лодками, баркасы, торговцы рыбой и морепродуктами - все друг у друга на голове.

- Знаешь, Габи, это невероятно, если правда. Но теперь я понимаю, что в этом что-то есть. В том смысле, а почему вдруг Гонсалес не пользовал тот кусок берега?

- Нужно прийти к старику Пако еще, - твердо решила я. - Только в следующий раз никакой выпивки. Может, попозже?

- Сегодня уже бесполезно. Давай устроим вечеринку, Габи? - Карла опять взялась за своё.

- Мы можем позвать Паблинью и поделиться с ним своими соображениями. Ну, про землю.

Это был хитрый ход с её стороны, но, впрочем, я и сама об этом подумала.

- Хорошо, - согласно кивнула я. - Тогда вечером встречаемся у меня.

Глава 8

По дороге Карла показала мне местный рыночек. Он примыкал к набережной. Новая подруга хотела сделать покупки вместе со мной, но мне почему-то было стыдно признаться, что денег у меня не было. Тогда бы она, возможно, стала одалживать мне из своих невеликих средств, а мне нужно было учиться справляться самостоятельно: и так долгов хватало.

Узнав, где рынок и до которого времени там обитают торговцы, я помчалась домой, договорившись о вечерней встрече у меня.

На кухне я достала свою рыбину и воззрилась на неё. Уха отменялась - у меня возник новый план. Идея пришла в голову внезапно еще в посёлке.

Нужно было просто продать свой улов или обменять на те продукты, которых не доставало у меня дома.

Легко сказать: “просто продать”! На рыночке посёлка рыбы хватало, ясное дело, она занимала половину прилавков. Однако, приготовленной не торговали: никому бы это и в голову не пришло в бедном рыбацком селении. Все готовили себе сами.

Тем не менее, свои зажиточные поселяне обитали. Здесь-то и был мой расчет на них. Конечно, план мой был ненадёжен, но убытка бы не принёс, что уже радовало. Поэтому я принялась ваять из привычной макрели, правда, здоровенной и мясистой, словно молочный поросёнок, вечернее блюдо. Я должна была поразить местную публику, причем как можно скорее. У меня в распоряжении было всего часа полтора, а потом нужно было мчаться обратно на рынок.

Разрезав рыбине спину и удалив хребет и кости, я присолила её и оставила пока в покое. Кукурузная каша сварилась быстро. Я заправила её маслом и плотно утрамбовала в макрель. Разложив сверху кусочки сыра и вяленых помидор, сунула в печь и только тогда почувствовала, что у меня платье насквозь промокло, как и волосы. На заднем дворике был летний душ (скорее всего, он же и зимний). Содрав с себя одежду, я в чем была, полетела туда. Вскоре я с облегчением выскочила из-под прохладных струй воды и, глянув на солнце, заспешила в чем мать родила к печи. Макрель выглядела восхитительно. Я дала ей еще пять минут дойти до кондиции, а сама побежала одеваться. Выхватив первое попавшееся платье, нарядилась и, практически не глядя, причесалась. Возиться было особо некогда: из печи призывно пахло моим первым заработком. Ну, во всяком случае, я на это очень надеялась.

Уложив макрель на простое овальное блюдо, я посмотрела на неё придиричиво. Шкурка запеклась идеально, кукурузная каша золотилась, сыр и помидоры завершали мой шедевр. Но чего-то все-таки не хватало.

Я вспомнила - за домом росли лимоны. Проклиная себя за то, что не подумала об этом сразу, сорвала два и, нарезав тонко, украсила ими блюдо. Теперь оно точно тянуло на то, чтобы украсить собой самый изысканный приём, но вместо этого вся эта красота отправилась со мной.

Через каких-то минут пятнадцать-двадцать я приблизилась к торговым рядам. На минуту мною овладела робость, и я чуть замешкалась. Оля Бобик никогда не рискнула бы лишний раз поднять глаза на людей. Однако, несмотря на скромное существование, ей никогда не приходилось выживать и выпутываться из сложных жизненных ситуаций.

“Легко так было жить, оказывается: скромненько и незаметно, а вот пойти сейчас по этому рынку, громко заявляя о себе...уфф”, - и я шагнула вперёд, вскинув голову.

- Королевская макрель! Макрель по-королевски! Ваш сегодняшний ужин уже готов! - услышала я, словно со стороны, свой собственный голос. С каждым словом он звучал всё звонче и уверенней. Вот это была Габриэла Ловеира!

На меня стали таращиться и даже показывать пальцем, а я несла блюдо перед собой, не забывая чарующе улыбаться при этом. Ну, наверное, чарующе - не совсем верно: в этом я была не сильна.

- Вы хотите порадовать своих родных вкусным ужином? Макрель по-королевски уже готова и только ждёт, чтобы оказаться на вашем столе!

- Сколько же это стоит, Габи? Придумала же, - окликнул меня кто-то добродушно.

Я вспомнила, что даже не подумала о том, какую цену назначить за свой шедевр. Ответ вылетел у меня машинально:

- Только лишь вдвое дороже сырой! Осталась всего одна рыбка! - как будто я этих жареных макрелей уже воз продала. Однако, это сработало. Кто-то схватил меня за локоть и я обернулась.

- Что это у тебя? - чопорная суровая тетка в буром платье близоруко оглядела блюдо, чуть ли не тычась в него носом.

- Макрель по-королевски. Авторский рецепт, ресторанная подача, - я понятия не имела, уместно ли было то, что говорила, но звучало это внушительно.

- Хм... И кто это готовил? Свежая ли макрель? - дотошно выпытывала у меня тётка. - Хозяину бы понравилось, - пробормотала она под нос, однако я расслышала.

- Утренний улов, - небрежно ответила я, уже точно зная, что она купит у меня рыбину.

- Дорого ли? - продолжала женщина. Скорее всего, она служила кухаркой или управляющей у кого-то.

- В два раза дороже, чем свежая, - повторила я ей.

Тетка скривилась и застыла в раздумье.

- Габриэла! - окликнул меня другой голос, мужской, знакомый. Сбоку возник доктор Марио Перес. - Ты выглядишь замечательно! Рад тебя видеть в добром здравии. Что ты тут делаешь?

Его маленькие глазки лучились теплом, а уши налились краской. Доктор улыбался.

- Да вот, доктор Перес, приготовила рыбку на продажу, не желаете ли? - я кивнула на блюдо и неожиданно для себя подмигнула ему.

Доктор рассмеялся, довольный, и закивал.

- Очень аппетитно, молодец. Дай-ка подумать...

- Так, я уже беру эту макрель! - тётка поспешно вклинилась между нами. - Беру для хозяина, доктор Перес.

- Уступаю вам, сеньора Мадуро, - доктор отвесил небольшой поклон. - Передавайте привет сеньору Гонсалесу!

"Вон оно что... Значит, моя рыбина отправится на стол Гонсалесу!" - подумала я. Забавное совпадение. Однако в данный момент это было неважно.

Сеньора Мадуро отсчитала мне несколько монет и подхватила тарелку.

- Посуду можете потом забрать на кухне, - пробурчала она и скрылась в толпе.

Мы с доктором посмотрели друг на друга и рассмеялись.

- Спасибо за повышение спроса, доктор Перес, вы помогли мне заработать. Теперь я ваша должница, - мне пришлось кое-что в голову, когда я вспомнила об интересе Карлы к своему шефу, - приходите ко мне сегодня в гости. Будет небольшая компания. Придётся?

Перес развёл руками:

- А почему бы и нет? Буду рад, Габи, - он откланялся и заспешил прочь.

Я пробежалась по рядам, выбирая нужные мне продукты. Понемногу овощей, яйца, зелень, лука побольше. Мне нужно было еще придумать, чем встречать гостей сегодня. А для доктора Переса нужно было особенно постараться. Человек меня буквально по частям собрал, как сказала Карла.

Приближаясь к дому со свертками, я разглядывала место, где теперь жила. Такой красоты мне в прошлой жизни даже в самых смелых мечтах не виделось. Всё портил только старый баркас. Он был как бельмо на глазу. К тому же с ним были связаны такие страшные и грустные воспоминания. Что бы придумать сделать с этой грудой железа?

Солнце перевалило за горизонт, и я подумала, что можно было бы попробовать забросить удочку. А можно, кстати, и не одну.

Сложив покупки в короб, я привычно замесила тесто (моя фокачча улетала на ура) и поспешила на пирс.

Если бы не баркас, это место стало бы уже моим любимым. Повернувшись к нему спиной, я насадила наживку сразу на четыре крючка. Авось, хоть одна поклёвка будет. Но надеялась я на большее: если бы завтра удалось заработать так же, как и сегодня, было бы здорово. Конечно, основной проблемы с долгом это не решало, но всё же появлялась уверенность в собственных силах.

Глава 9

Первой появилась Карла. Она волокла стопку пластинок в руках, а также чем-то набитую торбу на сгибе локтя.

- Габи, помогай, а то сейчас рассыплется всё! - крикнула она мне звонко, а я улыбнулась. Как хорошо, что она у меня есть! При том, что она была напориста и шумлива, девушка обладала щедрой душой и открытым сердцем.

Я подбежала, чтобы подхватить бумажные конверты из её рук: по-моему пластинки были еще бьющимися, хрупкими. Осторожно положив их на стол в кухне, я с любопытством вчиталась в незнакомые фамилии - Мануэль де Фалья, Люпита Паломера, несколько конвертов без названий и с нечеткими рисунками кастаньет и гитары.

Из испанских исполнителей я с уверенностью могла бы назвать только Хулио Иглесиаса, Сары Монтель и Рафаэля - но они, по всей видимости, жили позже.

Конечно, я уже ориентировалась во времени благодаря документам. Теперь мне было восхитительных двадцать лет, а год рождения в свидетельстве числился тысяча девятьсот девятнадцатый.

Сопоставлять эти годы с мировой историей, которую знала я раньше, не имело смысла. Ну, или только очень приблизительно. Нужно было просто приспособливаться и не проводить параллелей. А вдруг я вообще в альтернативной реальности.

- Габи, не спи! - затормошила меня Карла. Наверное, я задумалась. - Скоро все придут. Паблиньо обещал пораньше.

Я вспомнила, что Карла еще не знает об обещании доктора Марио навестить нас, но решила пока не говорить ей. Вдруг он передумает, а она будет ждать и разочаруется.

- Нужно нашпиговать фокачку. А больше у меня ничего нет, - развела я руками, - поймать вечером ничего не удалось.

- Не выдумывай, дорогая. Не обязана ты никого кормить. К тому же я кое-что тоже принесла. Мать как раз пирожки испекла, а я лепешек с зеленью нажарила, - Карла разбирала свою торбу, попутно болтая и встряхивая блестящими волосами. - Надо не забыть сказать нашим парням, чтобы наловили тебе рыбы, они за час натаскают два ведра.

- Ой, ты что, - попыталась возразить я, - неудобно.

Подруга отмахнулась от моих возражений, а я подумала, что неплохо бы и даже посмотреть, как это делают местные жители. Пригодится.

Карла извлекла большой пучок зелени, завернутый в чистую тряпицу: молодые листья одуванчиков, фенхель, мята, зеленый лук.

- Вот здорово, - просияла я, - обожаю зелень. Нужно посадить и себе.

- Так ты сказала бы! - всплеснула руками Карла. - Семян у матери полно, она всё это в огороде выращивает. Приходи к нам завтра, мать поделится и расскажет, как за всей этой ботвой ухаживать. Лично я понятия не имею, надеюсь, мне это и не понадобится. Хочется совсем другой жизни!

Карла покрутилась вокруг своей оси, мечтательно прижимая к груди пучок трав из огорода, как будто это был букет орхидей от богатого поклонника.

- А как же доктор Перес? - поддела я. - Вряд ли он богат. Ты бы променяла его на состоятельного мужчину?

- Да ты что? - Карла вернулась из своих мечтаний и засверкала гневно на меня глазами. - Если бы он только взглянул на меня! Да у меня бы все богачи летели прочь!

И она швырнула травы, показывая, как моментально она бы избавилась от гипотетических богатых женихов.

Я перехватила “букет” на лету, как подружка невесты на свадьбе.

- Ладно, ладно, не буянь, - со смехом ответила ей. - Возможно, тебя ждёт сюрприз сегодня.

Не успела Карла отреагировать на мои слова, как в дверях появился Пабло в рубашке из неотбеленной ткани и коричневой жилетке. Кепку он держал в руках.

- Проходи, Паблиньо, - улыбнулась я парню, - мы тут ужин готовим.

- Добрый вечер, девушки, - Пабло привычно поправил очки и приблизился к нам. - О чем разговор?

- Не твоё дело, - буркнула смущенно Карла и зыркнула на меня, чтобы я, не дай Бог, не раскрыла её тайных помыслов.

- Габриэла, что там у вас за разговор произошел со стариком Пако? Карла упомянула, что есть над чем подумать и что речь о земле.

Я задумалась. Мне и в голове-то было сложно сформулировать, а уж связать всё это в слова...

- В общем, Пако сказал, что вся земля была его и отца Габриэлы, - нетерпеливо сказала Карла. - Только то, что принадлежало Пако, отнял Гонсалес, а остальная теперь Габриэлы.

Пабло недоуменно вытаращил глаза, одновременно наморщив лоб. И я его понимала.

- Что же это может быть за земля? - пробормотал Пабло. - Неужели такой большой ценный участок?

- Так этот же, Паблиньо, - воскликнула Карла, - посмотри на берег поселка и дом Габриэлы!

- Это еще неизвестно, - проговорила я. - Нужно идти к Гонсалесу.

Издали на мостике послышался шум, смех и голоса.

- Габи, не торопись, Гонсалес крупная рыба и очень скользкая, - торопясь, заговорил Пабло. - Если старик не соврал, то ты богатая наследница своего отца. Сейчас мне непонятно, почему так всё сложилось, но мы обязательно разберемся. Просто, это бы всё объяснило...

- Так всё же и так ясно! - Карла пошла к двери, чтобы встретить гостей. - Отец Габи взял деньги под залог земли, когда болела сеньора Ловейра. А потом не смог отдать.

Компания была уже на пороге.

- Габи, это очень похоже на правду, - серьезно кивнул Пабло. - Я постараюсь узнать, кому принадлежит этот участок...

Он погрузился в раздумья, а в двери ворвалась стайка молодых людей и девушек. Пока что разговор был окончен. А толком ни о чем и не договорились.

Карла, верная своему слову, сразу попросила ребят наловить мне рыбы. Трое или четверо охотно похватили снасти и отправились на пирс. Кто-то завёл пластинку и послышался грудной женский голос, выводящий томный напев. Он гармонично вплетался в душноватый теплый вечер, пахнувший морем и цветами.

Подруга моя уже кружилась в танце с чернявеньким юнцом, а я вышла на воздух и вдохнула полной грудью.

- Как вечеринка, Габриэла? - меня окликнул голос со стороны дороги, и я обернулась. Доктор Марио Перес стоял, наблюдая за мной, полускрытый тенью лимонного дерева.

- Доктор! - воскликнула я радостно. - Вы пришли! Надеюсь, вы голодны: Карла принесла и пирожков, и лепешек, а у меня фокачча в печке.

- Габи, можете называть меня просто Марио, вы больше не моя пациентка. Кстати, да, я голоден, - доктор засмеялся, и его уши вспыхнули, как фонарики.

Когда Карла увидела нового гостя, показавшегося на пороге, она просто остолбенела. По моему, даже слегка побледнела. Однако, почти сразу оправилась от шока и, метнув в меня влюбленный благодарный взгляд, поспешила навстречу своему ушастенькому счастью. Теперь я была уверена, что доктору Марио вечеринка понравится, и он будет окружен заботой на весь остаток дня.

Сама я прошла на пирс, чтобы понаблюдать за рыбной ловлей и подумать, что мне делать завтра и вообще.

Мальчишки, которые рыбачили на пирсе, почти не переговаривались. Просто таскали рыбину за рыбиной. Можно будет много наготовить и хорошо заработать.

Однако бегать на рынок с подносом? Выходом, конечно, это не было. Вот если бы можно было продавать готовую продукцию прямо здесь... Но кто сюда пойдёт? Для домохозяек далеко, а молодежи не особенно нужна еда - только помещение и музыка. Нужно было что-то придумать. Может, что-то вроде кафетерия? Место для этого прекрасное. Готовить я умею. А если устроить какую-нибудь харчевню прямо в доме? Однако, эта идея мне не совсем понравилась: планировка совершенно не соответствовала.

Я приблизилась к рыболовам. По-моему, оба ведра были уже под завязку набиты некрупной рыбкой. Я не могла в темноте разглядеть, какой именно.

- Спасибо вам, ребята, - поблагодарила я от души, - а что сейчас ловится?

- Так голыш же, Габи, - откликнулся один из парней охотно, - сейчас его хоть голыми руками бери. Сам на крючок прыгает.

- Вы бы пошли отдохнули, там музыка и еда, - мне было уже неудобно, что они сидят тут, вместо того, чтобы развлекаться.

- Ну сейчас, наживка закончится, - ответил всё тот же юноша Рауль. Остальные рассмеялись почему-то.

- А на что вы ловите? - полюбопытствовала я.

Они переглянулись, и Рауль, усмехнувшись, запустил руку в воду. Пошарив под пирсом, он через несколько секунд вытащил горсть мидий и кинул на доски между собой и товарищами.

- Вот на них и ловим. Их же тут немеряно, ты не знала?

- Давайте, давайте, пойдем, - заторопила я их, меняя тему, - а то всю рыбу выловите, а там съедят все вкусняшки.

Вернувшись, я обнаружила счастливую Карлу, ухаживающую за Марио, несколько пар танцующих в узком проходе, погруженного в раздумья Пабло.

Почувствовав себя уставшей, я решила пройти к себе в комнату, однако через танцующих было пробраться не так-то просто, и я опустилась на лавку. Вскоре вошли Рауль с приятелями, и я снова поднялась, чтобы положить им еды.

Параллельно я усиленно думала. Тётка Мадуро - служанка Гонсалеса - не просто так попала мне на рынке. Это точно был знак. И как только я приняла решение, мне стало легче. Завтра пойду прямо в логово спрута. Как подготовиться, я тоже уже знала. А сейчас можно было расслабиться.

- Паблиньо, пойдем потанцуем, - окликнула я парня. Играла какая-то простенькая мелодия, очевидно, народная. Нехитрый, чувственный перебор гитарных струн был приятен слуху.

- Да я не умею, Габи, - Пабло колебался. Но было видно, что ему хочется.

- Я тоже не особенно. Тем более пойдем, - протянула ему руку, и он неуверенно взял её. Мы встали в танцевальный ряд и потоптались немного молча.

- Завтра я пойду к Гонсалесу, - шепнула я Пабло на ухо, встав на цыпочки.

- Ох, Габи, - покачал парень головой, наступив при этом мне на ногу, - он не съест тебя, конечно. Но...

- Ничего не говори, я уже решила. К тому же, у меня есть план. Думаю, он должен сработать, чтобы Гонсалес не ополчился против меня.

- Что за план?

- Паблиньо, ты сочтешь его глупым. Хочу немного надавить на то хорошее, что в этом Гонсалесе есть.

Пабло уставился на меня недоверчиво, а я засмеялась тихонько.

- Не смотри на меня так. В любом человеке есть что-то хорошее. Может, будет достаточно просто с ним поговорить.

- Ну попробуй, конечно, - голос Пабло был полон сомнения, - но я бы лучше отговорил тебя пока что.

- Дорогая, мы уходим, - Карла с победным видом держала под руку доктора Переса. Тот смущался, однако, кажется, был доволен.

- Счастливо вам, - я помахала им рукой. - Завтра где тебя найти?

- После обеда дома! - Карла послала мне воздушный поцелуй, и они удалились.

Остальные гости тоже потянулись к выходу, прощаясь со мной. Вскоре дом опустел.

- Хочешь, я помогу тебе убрать, Габи? - мило предложил Пабло, топчась на месте, где мы недавно танцевали.

- Нет, дорогой, иди, я сама.

На пороге парень остановился.

- Габриэла, мой тебе совет: не заводи первой разговор о земле. Просто выслушай, что Гонсалес скажет тебе сам. А там видно будет.

Глава 10

Около девяти часов утра я уже стояла перед большим каменным домом с внушительной оградой. В руках у меня был поднос с жареными тушками голышей, а точнее мерлангов, которых наловили мне вчера Рауль с друзьями.

Кроме этого к рыбке в глиняном горшочке у меня был приготовлен чесночный соус с травами, а украшал блюдо небольшой изящный овощной букет, исполненный в технике карвинга.

Я не была в ней мастером, однако, иногда со скуки по вечерам мучила морковь или огурец, вырезая из них цветы и птичек по видеоурокам в интернете.

Сейчас я очень надеялась поразить этим великолепием тетку Мадуро и проникнуть в дом Гонсалеса. Ну а дальше по обстоятельствам. Пока что дом выглядел неприступной крепостью: на воротах была намотана цепь с замком, а белые ставни закрыты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.